~Глава 230~

Твой союзник, твой враг...

В последнее время Эмилианна Элрой была даже тревожнее обычного. Она старалась сосредоточиться на тренировке, но сколь же трудно это было сделать. С тех самых пор как она услышала про новую великую войну Элоа, ей не удавалось думать ни о чём другом.

Впервые она услышала об этом здесь, в Библиотеке, в шепотках между последователями Говиса. А когда спросила Гектора посредством Осколка, он подтвердил.

Её тревоги стали такими сильными, что она начала отдавать им отдельное место в своей голове. Это не казалось самым здоровым выходом, но, по крайней мере, так удавалось думать и о других вещах.

Вроде как.

Слишком часто эти два направления мыслей переплетались между собой. Временами она размышляла, будут её тренировки полезна кому-то кроме неё.

Не помогало и то, что Говис в последнее время вёл себя как-то иначе. Он говорил, будто привёл её в Библиотеку Эрудиции для «изучения их связи», той самой, которую она якобы унаследовала от Агама Элроя, но последние несколько недель почти не уделял ей внимания.

И не сказать, что она была против этого, тем более её тренировки уже достигли такого уровня, что можно было не беспокоиться потерять контроль над силой мутации, но всё же. Невольно ей становилось всё любопытнее и любопытнее, что же он задумал.

Из того что рассказал Гектор следовало, что во Второй Континентальной Войне замешано Избавление. А Говис один из важнейших их сторонников. Так... он тоже будет в ней участвовать?

Пока ничего об этом не говорило, но, может быть, он просто готовится или вроде того. Она боялась спрашивать.

Нет, вот это неправильно. Она нереально боялась спрашивать. Тогда Говис наверняка спросит откуда ей стало известно про войну. Может он поверит, что от его последователей, но стоил ли риск того?

Чергоа, по крайней мере, спустя какое-то время поговорила с ней о войне и предложила

немало рациональных утешений. Что Эми оценила. Очень и очень оценила, честно говоря. Её жнец, как оказалось, умела утешать.

— «Говорю тебе, на самом деле всё идеально», — сказала ей Чергоа с эхом приватности. — «Ну, то есть, не так здорово, что началась война, но мы-то с тобой попали в идеальную ситуацию. В полной безопасности, но при этом глубоко в рядах врага, при этом с тайной возможностью связываться с союзниками.»

— «… Хочешь сказать, что мы можем шпионить за Избавлением отсюда?» — спросила Эми, не сумев скрыть сомнение в своём ментальном тоне.

— «Вроде того, да», — сказала она.

— «Но что если Говис даже не станет участвовать в войне?»

Секунду жнец молчала. — «Ну. Эм. Пожалуй да, это может оказаться небольшой проблемой.»

Эми почему-то совсем не удивилась такому ответу.

— «С другой стороны», — продолжила жнец, — «так нашим союзникам будет даже лучше, раз Монстр Востока не присоединится к рядам их врагов.»

Что ж, это было правдой, подумала Эми. Этого она хотела бы избежать больше всего. Столкновения между её отцом и Говисом. После всего, через что он прошёл? Она не могла и представить, как такое может закончиться хорошо.

Хотя, говоря по правде, глубоко внутри она чувствовала, что их встреча неизбежна. Эми сомневалась, что отец когда-либо прекратит её искать. А он бессмертный. У него может уйти немало времени, прежде чем он отправится на мёртвый континент Экзолту, но с пугающей долей вероятности это должно однажды произойти.

И когда этот день наступит, останется лишь гадать, сможет ли она сделать хоть что-то для спасения жизни отца. Возможно, Говис решит пощадить её отца, чтобы она не возненавидела его. Такое ведь не исключено?

В вопросе мышления Говиса сказать было трудновато. И тем более трудно верить, будто он настолько ценит её чувства.

Если только она не попытается добиться его привязанности раньше.

Эта мысль была того же уровня жути. В Говисе было что-то человечное, за его колоссальной

пугающей оболочкой, но ей всё равно не верилось, что глубоко внутри он не такой же монстр, учитывая его прозвище. Конечно, склад ума у него оказался куда более академичным, чем можно ожидать, учитывая титул Хранителя Библиотеки, но это не наделяло великодушием.

Безумный Демон, как широко известно, тоже учёный, но ничего не говорило про его гуманность или доброту.

Она, конечно, понимала, что всё не так просто. Говис помог ей разобраться с силой мутации. А ещё похитил, но при этом не будет преувеличением сказать, что он спас её жизнь.

Угх.

Как же трудно чувствовать долг перед таким человеком.

Ибай Блэкбёрн тоже в последнее время вёл себя довольно любопытно. Казалось, что он только читает и пишет. Чергоа напоминала ему, что нужно хоть иногда есть. Его странное поведение начало привлекать даже внимание Говиса. Несколько раз, хоть в это и трудно поверить, он читал его работу.

Она, естественно, спросила об этом Ибая, как только поймала его наедине.

— О, он просто проверял на ошибки! — ответил Ибай. — Щедро с его стороны, да?

— Я… Вот как, — сказала Эми.

— Хотя в критике он безжалостен. Вот вообще не сдерживается. Очень серьёзно относится к грамматике. Но очень помогает. Не хотелось бы испортить впечатление читателей.

— … У тебя есть читатели?

— Ну, пока нет, но однажды. Как знать. Может моя работа станет известна посмертно! Такое постоянно происходит! Разве не круто?!

И не первый раз в разговоре с ним Эми не могла найти слов.

Однако интерес Говиса к работе Ибая вызвал любопытство у неё. Ибай с большой радостью дал ей почитать.

Только тогда она поняла во что влезла.

На выбор была целая гора томов. Ибай начал заниматься этим всего пару недель назад, но у

него уже вышло больше двадцати книг, каждая аккуратненько лежала на полу возле его стола. Эми думала, что это часть Библиотеки, раз его столик и так был окружён книжными полками, но нет, все они оказались творениями отклонения.

Все они были написаны от руки, естественно. И каждое слово нацарапано настолько быстро, что Эми не всегда понимала написанное.

— Мне нужно твоё честное мнение! — сказал Ибай. — Не пытайся пощадить мои чувства! Иначе я не стану лучше!

Даже пока он говорил, его рука продолжала исписывать бумагу.

И неожиданно она почувствовала необходимость спросить: — Ты сегодня ел?

— Хмм? О. Ну да, кажется. Если нет, то возьму что-нибудь попозже.

Она нахмурилась. В последнее время Ибай немного похудел. И, конечно, всё это писательское безумие началось только после того как он узнал о смерти отца.

Неудивительно, что Чергоа постоянно ворковала над ним.

И жнец была как раз с ней, поэтому сразу потребовала, чтобы Ибай немедленно сделал перерыв и отправился в столовую.

Ибай засмеялся, но послушался.

Эми хотела пойти за ним, но задержалась в крошечном, импровизированном кабинете Ибая. Она не представляла как он может работать в таких условиях. Места не было практически вообще. Кроме того, помимо кучи бумаги и пишущих принадлежностей на малюсеньком столе с лампой, у него не было здесь ничего – а стол и лампа выглядели так, будто могут развалиться в любой момент.

Она не знала, может ли сделать что-нибудь для улучшения его условий. Может поговорить с Говисом, чтобы нашёл ему место попросторнее. Или, хотя бы, компьютер. Она пока не видела здесь компьютеров, но успела узнать, что здание испещрено тайными ходами и комнатами, когда Говис отвёл её на маленькую жуткую встречу с Ткачихой.

Это тоже оставалось у неё на уме. Она не могла просто забыть разговор с этим… существом.

Даже сейчас она не была вполне уверена, что понимала кто или что такое Ткачиха. Не составляло труда представить её старой слугой-мутантом, которую, к несчастью, мутация изменила до неузнаваемости, но в то же время казалось очевидным, что она нечто большее.

Если, конечно, она вообще слуга-мутант.

Но если всё-таки мутант, то её существование открывало потрясающие возможности. Например, она ведь доказывала возможность развить телепатию.

Эми разрывалась. Часть неё хотела поговорить с Ткачихой и, возможно, узнать больше о мутации. Или телепатии. Или, может, Агаме Элрое. Но другая часть хотела держаться как можно дальше.

В любом случае, значения это не имело, потому что Говис не подпустит её к Ткачихе в одиночку, а сам появлялся так редко, что она и спросить не могла. Конечно, ещё можно было попытаться сходить к ней самой – без разрешения – но её не покидало жуткое чувство, что он всё равно узнает.

Хотя, возможно, не следовало этого бояться. Он явно заботился о её безопасности, по крайней мере ради своего исследования, поэтому она сомневалась, что Говис ей навредит.

Но всё же. Он слишком страшный. Даже без физических наказаний, Эмили не хотела злить его и проверять насколько «творческой» окажется кара.

Хотя все эти дела насчёт Агама Элроя стали для неё причиной постоянного любопытства. Особенно из-за идеи, которую подкинула ей Ткачиха.

Той самой, что у неё каким-то образом могут найтись воспоминания Агама. И что Агам временами вспоминал то, чего никогда лично не делал и не видел.

Эми много размышляла над этим в последнее время.

Даже пытаться было странно, но она время от времени пробовала искать в воспоминаниях странные вещи. Впрочем, пока ничего не выделялось и она даже не знала, правильно ли это делает. Есть ли какая-то специальная техника для проверки собственной памяти?

Она начала с самого раннего, что могла вспомнить. Как они вместе с мамой шли через семейный двор и мама показала высокую и ветвистую мадегу, и о чём-то говорила с ней, Циско, и Гемой.

Что именно сказала мама вспомнить не удавалось, но вроде бы речь была о предках и важности этой породы деревьев для их семьи.

В основном, впрочем, она запомнила само дерево. Гигантские, долговязые ветви. Эту крошечную сине-серую листву. Бесконечно шелестящую в дожде.

С этого момента Эми пыталась пройтись по воспоминаниям в хронологическом порядке, но обнаружила, что это невероятно трудно сделать. Определить точно когда что-то произошло оказалось... невозможно, если подумать. Конечно, она примерно представляла сколько ей лет в том или ином воспоминании, но сортировать точно? Немыслимо.

Это небольшое понимание вызвало немного тревоги. Она начала думать, что это может быть свидетельством вмешательства Ткачихи в её воспоминания – или, ещё хуже, свидетельством других проблем с её головой – но когда поговорила с Чергоа, жнец сказала, что так и должно быть.

И потребовалось несколько убеждающих разговоров, но в итоге Эми ей поверила.

Впрочем, такая тренировка памяти всё же оказала один эффект. Она вдруг поняла, насколько часто встречаются мадеги в её воспоминаниях. Временная линия оставалась размытой, но эти деревья попадались на всём её протяжении.

Конечно, в Агварее мадеги росли повсюду, а именно там она провела практически всю свою жизнь, поэтому ничего странного или необъяснимого в этом не было – особенно учитывая её страсть к биологии. Растения и животные всегда интересовали её.

Хотя подсолнухи нравились ей больше, мадеги поражали по-своему. На самом деле, самым интересным в них было то, как они немного отличались друг от друга. Например, у дерева в имении Элроев листва напоминала перышки, в то время как у Великой Мадеги в центре Агварея каждый листок был с её голову.

Вариантов мадеги встречалось так много, что не пересчитать. Более светлая или более тёмная кора. Более сучковатые ветви. Некоторые начинали цвести, несмотря на непрекращающийся дождь, а на некоторых даже появлялись фрукты.

Насколько она знала, существовало всего две черты, по которым возможно определить мадегу. Листва бирюзового цвета и то, что они не гниют, как бы долго ни шёл дождь. Их гигантская система корней распространялась на многие километры под Агвареем и дальше, однако постоянная вода под гигантской платформой, на которой построен город, никогда и ни чуть их не беспокоила.

Так что ничего удивительного в том, что её родня всегда относилась к этим деревьям с таким почтением. Она помнила как её отец однажды упоминал веру их предков, следуя которой, души усопших собратьев собирались в мадегах. Или только тех, кто прожил достойную жизнь, по крайней мере.

Все эти воспоминания, как обычно, вызвали у неё тоску по дому. Она не знала, увидит ли Агварей снова. Довольно сильная её часть не верила в это.

С тех пор она искала в Библиотеке книгу о мадегах и, возможно, о Лютве, но в горе книг, из

которых это здание словно бы состояло, пока ничего найти не удалось.

Возможно, ей в этом мог помочь Говис, но она не хотела полагаться на него в поиске книг. Это может заинтересовать его в отношении других книг, которые она читает, а этого ей точно не требовалось.

Единственным её полезным делом здесь, помимо тренировок, был поиск древних томов на темы, в которых высказывал интерес Гектор Гофф. Он был с её семьёй. Помогал им защищаться. Поэтому помощь ему была помощью им. Не самое трудное решение.

Её не покидало жуткое чувство, будто Говис может понять, что она помогает кому-то снаружи, если узнает какие книги она читает. Не понятно как он может это понять, но тревога отступать не собиралась. Возможно, это была просто паранойя. Она надеялась, что это просто паранойя.

Потому что прекращать заниматься этим Эми не собиралась, что бы ни случилось.

Это единственное, что помогало ей чувствовать свою ценность, а не ощущать себя просто обузой для всех остальных.

Кроме того, темы Гектор выбирал определённо… интересные. Она никогда не думала искать книги об утерянных сокровищах, но это оказалось хорошей идеей. И чтение казалось довольно увлекательным, если держать в уме тот факт, что она помогает найти эти сокровища.

Одна из найденных ею книг называлась «Величественная Жизнь и Величественные Времена Величественного Юнсо». Мягко говоря, она оставила большое впечатление. В ней не был указан автор, не было ни единой даты, поэтому наверняка установить место и время не получилось бы, но прочитав её целиком Эми почти не сомневалась, что автором этой возвеличивающей биографии был сам Юнсо.

С этой перспективы книга показалась Эми почти невыносимо смешной, хотя явно такой не задумывалась. В ней обсуждалась творческая жилка этого мужчины и до тошноты описывалось, как именно он создал каждое из своих «сверхъестественных» творений. Эти части она поняла не полностью – вернее, почти не поняла совсем.

Экспозиция в книге тоже была одной из самых поразительных, что она встречала. Поначалу ей казалось, что книгу написал ребёнок и бросила бы её ещё на первой главе, если бы читала не по рекомендации Ибая.

Как или почему она прочитала её целиком, Эми не понимала до сих пор, однако постепенно становилось ясно, что такие слова не могли принадлежать ребёнку. Выбор слов, речь, структура предложений, пунктуация, и даже заглавные буквы стояли в каком-то случайном порядке; и в каждой главе автор хотя бы раз ворчал о ком-нибудь в жизни Юнсо – обычно, о женщинах – которые не понимали или как-либо оскорбили его.

Однако каждый раз как книга возвращалась к изобретениям, технический гений автора начинал сиять. И хотя Эми не понимала большую часть, понятные фрагменты завораживали.

Словно бы она читала нечто написанное абсолютным гением, который в своей жизни не прочитал ни единой книги.

Возможно это не имело смысла, но именно такое впечатление оставляла книга. А ещё, конечно, литература и грамотность не были настолько распространены тысячу лет назад, поэтому кто знает, может он правда ничего не прочитал в жизни. Эми просто не понимала как кто-то мог стать изобретателем не полагаясь ни на какие письменные знания.

И когда она начала думать об этом в таком ключе, то книга показалась ей ещё и немного грустной. Насколько гениальнее стал бы этот человек, получи он нормальное образование?

Но затем она вспомнила историю в конце книги, в которой Юнсо рассказывал как пытался увести чужую женщину при помощи своего «виличиствинаго интилекта», а в итоге его изгнали из города «нивежистиные кристяне».

Она сомневалась, что найдёт более смешную книгу в ближайшей жизни.

Но в любом случае, сейчас она решила взять пару томов написанных Ибаем и пойти за ним и Чергоа в трапезную.

Эми читала на ходу, разделив внимание между словами на странице и периферийным зрением. И прекрасно знала об этой аномалии благодаря случайному упоминанию Гектора.

Внимание. То самое «благословение», про которое говорил Расаласэд.

Она пыталась узнать больше о благословлениях. На самом деле, это был один из главных приоритетов сейчас.

Но такую информацию, как оказалось, найти непросто. Она брала каждую книгу со словом «благословение» в названии, но в древних томах оно попадалось постоянно, особенно в религиозных текстах. Большинство из них были посвящены моральным философствованиям или чему-то вроде того, поэтому она уже устала разочаровываться.

Гектор, впрочем, в частности спрашивал о благословении Владения, так что это слово она тоже пыталась найти и в результате недавно наткнулась на «Владения Богов и Королей» Ляма Ларутина.

Она не представляла почему у древних авторов почти всегда имя и фамилия начинались с одной буквы, но начинала думать, что такой тогда была мода.

В любом случае, она ещё не закончила её читать. Книга оказалась абсурдно многословной и трудной, поэтому Эми уставала уже на первых страницах. Но не собиралась останавливаться.

Из того, что она смогла понять, книга предполагала, что физическое пространство в своей основе совсем не такое, как его обычно понимают, что не существует такого понятия как «пустота».

Но дальше этого ей не удавалось понять ничего. Даже сами предложения, предположительно доказывающие это заявление, ей понять никак не удавалось. Они были написаны на современном моссианском, но временами складывалось ощущение, будто на самом деле это другой язык. Даже с грёбаным словарём читать этот текст было всё равно что зубы выдёргивать.

Это было ещё одной причиной оценить книгу, которую она читала теперь. По крайней мере, её она могла понять. Ибай не использовал тонны слов, про которые она даже не слышала.

На самом деле, он не использовал ни одного такого слова.

Это что, детская книга?

Хмм.

Она этого не ожидала, но чем больше думала, тем разумнее казалась эта мысль. Оказалось неожиданно просто представить Ибая пишущим сказки для детей.

Но такой длины? Это же целые новеллы. Точно ли детям понравится этот их аспект?

Впрочем, это не мешало радоваться простой книге, для разнообразия. После всего вязкого непереводимого дерьма, что она читала в последнее время, эта книга показалась лёгким бризом спустя недели в затхлом старом подвале.

А ещё она не замечала никаких ошибок в грамматике.

Ха, так, стоп…

Ибай ведь говорил, что Говис проверял его работы, нет?

Это ведь означает… что Монстр Востока корректировал детские книжки?

Просто представив Эми не могла скрыть улыбку. И решила спросить у Говиса как только они увидятся в следующий раз.

Эта книга, стоило заметить, оказалась довольно приятной. Предложения были простыми, но повествование текло как вода, каждая сцена создавала великолепно проработанные образы в её голове.

На самом деле… возможно она была слишком приятной.

Продолжая читать, она всё больше замечала, что не может оторваться.

И не совсем понимала почему.

Приятная книга, да, но в ней не было ничего, что нравилось бы именно ей. Текст не резонировал с ней как в её любимых книгах. Слишком детский на её вкус.

И всё же… было что-то в книге, что она не могла уловить. Неописуемое чувство. Непонятное приятное ощущение в животе и груди. Какое-то тепло. Пронизывающее насквозь с каждым прочтённым словом.

Она прекратила идти посреди коридора и оторвалась от книги, чтобы взглянуть на удаляющихся Ибая и Чергоа.

Он написал это?

Она не знала что делать. Каким образом можно описать–?

— Любопытно, не так ли? — прозвучал из-за спины глубокий, двойной голос Говиса.

И она дёрнулась. Хотя уже давно пыталась не реагировать на его внезапные появления так остро.

— Ч-что любопытно? — спросила она, повернувшись к нему.

Не будь потолки Библиотеки настолько абсурдно высокими, ему бы приходилось ходить вприсядку. — Эти книги в твоих руках. Ты читала их, нет? Значит, тоже должна была заметить.

Что? Она даже не совсем поняла, ответил он на её вопрос или опять игнорирует, продолжая задавать собственные вопросы.

— Я, эм… только начала читать вот эту, — ответила Эми, приподняв книгу.

— Мм. Но разве ещё не почувствовала? В них есть что-то странное.

— … Да, — моргнула она. — Что-то есть.

Светящиеся красные глаза Говиса взглянули на Ибая, уже почти скрывшегося из виду.

— Первая творческая работа отклонения в мире, — сказал он.

— … Вы уже упоминали что-то такое, да?

Говис просто смотрел на неё.

— Поэтому Вам интересны его работы? — спросила она. — Вы подозревали, что он сможет создать нечто… особенное?

— Мм. Такая неопределённая догадка вполне очевидна, учитывая его природу.

Эми не могла не согласиться.

— … Есть какие-либо исторические прецеденты таких книг? — спросила она.

— Каких именно?

Он опять с ней играл? Она даже не знала как описать чувства порождаемые книгой Ибая, и почему-то не сомневалась, что Говис об этом знал. — Эм… хмм.

Говис начал идти, Эми последовала за ним.

— Книги «своеобразного воздействия» действительно существуют столетия. Или дольше.

— И Вы, эм… знаете, что делает их такими? — спросила она.

— Авторы, естественно.

— Нет, я имела в виду… что в их авторах вызывает такой феномен?

Монстр взглянул на неё искоса

— Некоторые считают, что первая написанная книга была именно такой.

Ей потребовалась секунда, прежде чем она поняла, что он снова проигнорировал её вопрос.

Какого чёрта он постоянно так поступает? Это реально бесит. Она теперь не знала, нужно ли задать другой.

— Когда письменность впервые изобрели, — продолжил Говис, — к ней относились как к некоему тёмному искусству. По множеству причин. Но самой главной было просто то, что впервые в истории уменьшилась ценность человеческой памяти. Многие отнеслись к этому как к попыткам пойти против естества созданного богами, а потому вскоре вспыхнули войны.

Что, чёрт возьми? Она даже представить такого не могла.

— Менее известной причиной, впрочем, была способность книг менять людей. Менять их взгляды. Отчуждать от своего племени и даже своих людей.

— Хотите сказать, люди в древние времена делали то же, что Ибай делает сейчас? — спросила Эми.

— Не обязательно, но мысль интересная. Так много знаний было утеряно за прошедшие тысячи лет. Даже с бессмертными существами, что должны были их защищать. Разве не здорово верить, что однажды утерянное удастся найти вновь?

Она не знала что сказать. Как обычно, у неё появилась тысяча вопросов из которых не удавалось сформировать в слова ни одного.

— Как проходит тренировка? — спросил Говис.

— О, эм. Хорошо, кажется.

— Мм.

Он ждал, пока она скажет что-то ещё? Угх.

— Ты тревожишься, — сказал Говис. Это не было вопросом.

Эм.

Вот теперь она тревожилась больше. Но смысла лгать не видела:

— … Да. Мне страшно.

— Почему?

Потому что в Элоа сейчас ужасная война? Очевидно, так она сказать не могла.

— Со временем, — сказал Говис, — тебе станет комфортнее в этом месте. Думаю, твоё беспокойство связано с тем, что мастерство Хра дало тебе чувство облегчения.

О, так он подумал, будто её волнует это? Хмм. Она могла солгать, но… тц, это казалось ужасной идеей. Но что сказать в таком случае?

Ну.

Всегда была другая правда, на которую можно положиться.

— Я… скучаю по семье, — сказала она.

— Мм, — сказал он. И всё. Как обычно.

На такое было не ответить, так что она и пытаться не стала.

Однако затем Монстр Востока решил остановиться и взглянуть на неё:

— Ты увидишь их снова в будущем.

Она моргнула, её рот слегка приоткрылся от удивления.

— … Правда?

— Вероятно. — И он продолжил идти.

Что, чёрт возьми…? Она поспешила его догнать.

— В-вы хотите сказать, что однажды вернёте меня к ним?

— Мм. Вероятно.

— Почему? — спросила Эми. — Разве Вы не говорили, что хотите изучить аномальную связь между нами?

— Да. И как только изучение будет завершено, причин держать тебя здесь не останется.

Ей было трудно в это поверить. Он говорил об этом так спокойно, словно вернуть похищенного человека в семью – самое обычное, что только может быть.

Ну, может для него так и есть.

— Однако, — сказал Говис, — до того пройдёт очень много времени. Твоя мутация должна значительно подрасти, прежде чем связь между нами станет понятнее для меня.

А…

Это имело смысл. Только после того как её сила проявилась она начала видеть эти «видения» Говиса. И теперь становилось ясно, почему он заинтересован в помощи ей.

Внутри она думала, что причиной могло быть сочувствие, что должна в нём быть какая-то человеческая сторона. Но это тоже логично. Логичнее.

Научный интерес.

Да.

Не стоило и пытаться понять его отношение иначе.

А эта мысль перешла в другую.

Она вспомнила их разговор о «проблеме человечества».

Когда Говис рассказал ей о своём мировоззрении, хотя бы частично, и объяснил чувства к остальному Избавлению.

И всё это… в целом имело для неё смысл, но она не могла понять кое-что, сколько бы не размышляла и ни пыталась найти ответы – или, хотя бы, другие вопросы на ту же тему.

А у неё на то была вся Библиотека. Поэтому, в дополнение ко всему остальному, она пыталась найти книги посвящённые проблемам описанным Говисом. Она просто хотела найти что-то способное хоть немного поддержать её собственные чувства.

Эми не знала, преуспела ли она в этой цели уже, но по крайней мере хотела ещё раз попытаться поговорить с Говисом на эту тему.

— Я кое-что хотела спросить, — сказала она. — Философский вопрос.

Говис не ответил, видимо ожидал продолжения.

— … Вы сказали мне, что присоединились к Избавлению, так как считаете человечество проблемой по своей природе, так?

— Да.

— И ещё сказали, что проблема заключается в «росте»?

— Да.

— И… Вы сказали, что проблема роста в конфликте. А конфликт–

— Нет.

Эми остановилась. — Что?

Говис тоже остановился и взглянул на неё. — Я сказал, что человеческая нужда в росте проблема. И я сказал, что рост требует конфликта. Но я не говорил, что рост проблема из-за конфликта.

Она моргнула, пытаясь переварить новую информацию. — Оу… тогда, кажется, я неправильно поняла Вас в прошлый раз.

— Мм. — Он продолжил идти.

Эми поспешила его догнать. Они до сих пор идут в столовую? Туда шла она, но теперь вёл Говис. — Так, подождите. Я думала, что Вы считаете рост проблемой, потому что он требует постоянного подстрекательства, а это вполне очевидная проблема.

— Нет. Рост сам по себе очевидная проблема.

— Мне это совсем не кажется очевидным.

— Нет? Мир ограничен. Рост требует больше в геометрической прогрессии. Столкновение между двумя неизбежно. Проблема, таким образом, очевидна.

Эми нахмурилась, чувствуя неуверенность: — Но Вы ведь сказали столько всего о том, что конфликт – это плохо…

— Да. Так многие в Избавлении видят проблему. Росту требуется конфликт. Уберёшь конфликт, уберёшь рост. На самом деле, некоторые считают конфликт единственной проблемой и ничего не думают о росте. Они начинают войны, чтобы закончить войны. Благородно, в некотором смысле.

— Но не в это верите Вы.

— Нет, не в это. Хотя цели наши похожи, по крайней мере отчасти.

— Вы желаете закончить войны? — спросила Эми.

— Не совсем, — сказал Говис. — Однако моя цель, теоретически, сделает войны ненужными.

— … Хотите сказать, что сейчас войны необходимы?

— Конечно. Вечная борьба за ресурсы, защищённость, и власть, делают её неизбежной.

Она задумалась на мгновение: — … Но, раз мы говорим теоретически, то… сотрудничество должно исправить и эти проблемы тоже, нет?

— Мм. Милая мысль, возможно, но всё равно неверная.

— Почему?

— Потому что предательство слишком привлекательно для некоторых личностей. Это действие возможно как на эмоциональной мотивации, так и по хладнокровным рассудительным причинам. Единственные противодействия предательству стоят исключительно на моральных устоях и страхе возмездия.

Эми начала понимать: — … Хотите сказать, что люди слишком алчные.

— По самой их природе, да.

— И поэтому Ваша цель в том, чтобы изменить их природу.

— Да.

Они пришли в огромную комнату, которая точно не была столовой. Эми даже не узнала её. Как и большинство основных зон Библиотеки, эта комната располагала несколькими высокими книжными полками у стен, но здесь их оказалось меньше, чем обычно. В центре стояли три длинных чёрных стола, на каждом располагались различные ёмкости, микроскопы, мерные

цилиндры, пробирки, и много чего ещё.

Она бы не назвала это… впечатляющим. Оборудования здесь было не больше, чем в её школьной химической лаборатории. По крайней мере, она увидела пару компьютеров, что отвечало на её прошлый вопрос, но вряд ли в них был интернет. А ещё они выглядели довольно старыми.

Однако один элемент оборудования всё же зацепил её внимание: цилиндрическая камера в дальнем конце комнаты, в которую поместился бы человек. Может даже два.

Никогда раньше она не видела ничего такого, но судя по тусклым, водянистым пятнам на прозрачном корпусе, и пыли на металлическом основании, штука была довольно старой.

Ей было интересно узнать больше, но она пока не закончила прошлое обсуждение:

— Значит, проблема в том, что люди слишком алчные. Как Вы собираетесь исправить это?

— Возможно, ты хочешь угадать, — сказал Говис, копошась в чём-то в углу комнаты.

Она посмотрела исподлобья. — Нет, не думаю.

— Но как ты научишься думать, если я буду делать это за тебя?

Эми немного изменила ответ: — Я достаточно думаю своей головой, спасибо.

— Да? В таком случае тебе будет не трудно надумать пару потенциальных ответов.

Хмф. Временами он реально раздражал.

Она задумалась.

Если гипотетическая проблема в алчности, а метод в изменении человеческой природы, то… какой аспект человеческой природы, если каким-то образом его изменить, имеет шанс устранить алчность?

— … Вновь в картину входит конфликт? — предположила она. — Если убрать жажду людей к конфликту, то алчность исчезнет вместе с ней?

Монстр Востока вдруг замер в своём углу комнаты, а затем его плечи начали слегка сотрясаться вместе с тихим громыханием где-то внутри.

Стоп, это смех?

Он смеялся! Тихо, но смеялся!

— Нет, — сказал Говис, сквозь подавленный хохот. — Если убрать жажду конфликтов целиком, это приведёт за собой множество ненужных последствий. На самом деле, я почти уверен, что такое изменение просто уничтожит цивилизацию. — Его смех теперь стал ещё громче. — А услышать такой ответ от столь нежного сердца как у тебя, было очень смешно.

Она нахмурилась от разочарования: — Ну, не могу же я знать, какой ответ Вас интересует!

— Мм.

Эми вздохнула и позволила себе упасть на ближайший стул. Он оказался не очень удобным.

Говис наконец повернулся к ней и в его руках оказалось что-то в стекле. Высокая, плоская штука. И довольно большая. Возможно, с Эми высотой.

Он подошёл ближе и тогда она заметила множество крошечных силуэтов ползающих по туннелям в этой штуке.

Это была муравьиная ферма, вдруг поняла она. Крупнейшая из всех, что она видела.

И Говис поставил её на стол прямо перед ней.

Она посмотрела на неё, потом на него, и опять на неё.

Каким-то образом теперь она была озадачена даже больше.

— Знаешь ли ты какое насекомое самое смертоносное на этой планете? — спросил Говис.

Губы Эми вздрогнули в ожидании ужаса: — Только не говорите, что вот эти муравьи.

— Нет, — сказал Говис. — Эти малыши безобидны, но их ближайшие родственники с эволюционной точки зрения. Поэтому полезны для изучения без риска большого ущерба.

Ну, это было облегчением. Хотя Эми не знала, что теперь сказать.

— Самое смертоносное – это джаскаданский муравей-бульдог, — сказал Говис. — Они обычно разных размеров, но их солдаты могут вымахать с твой кулак. Муравьи-бульдоги стали

известны за свой паралитический яд, способный пристыдить даже большинство змей.

— Зачем Вы рассказываете мне об этом? — спросила она.

Он поднял свой гигантский указательный палец и продолжил:

— Но самое страшное в них то, что они идут войной на других животных. Известно, что они захватили гигантские объёмы земли, истребив буквально всю другую фауну на этой территории, из-за них даже вымерли некоторые виды. Такое, как правило, считают поступком достойным только человека.

— Однако, хотя они самые смертоносные насекомые в мире, но не самые защищённые. Этот титул занят их древнейшими противниками. — Он указал на ферму муравьёв. — Вот этими малышами. Ардоранские ангельские муравьи.

Эми всё ещё не понимала к чему ведёт Говис, но сомневалась, что это просто его случайное увлечение. Наверняка муравьи каким-то образом связаны с целью Говиса.

— Хотя джаскаданские муравьи-бульдоги в сто с лишним раз крупнее ардоранских ангельских, они остаются одним из нескольких видов животных в мире, которых им не удалось покорить. У ангельских муравьёв иммунитет к этому яду, а их тела способны выдержать давление больше десяти тон, температуру выше трёх тысяч градусов, и живут они в среднем сто пятьдесят лет.

Её глаза открылись немного шире.

— Сколько бы муравьи-бульдоги не пытались, они просто неспособны убить ангельских муравьёв, — сказал Говис. — Даже если их территория будет завоёвана, им будет всё равно. Они продолжат свою работу как обычно, забираясь по муравьям-бульдогам, как по препятствиям на пути. Даже королевы ангельских муравьёв неуязвимы для атак или предотвращения их репродуктивного цикла.

Эми должна была задать вопрос: — Если всё это правда, то ангельские муравьи могли бы захватить мир.

— Да, но именно в этом и смысл. Ангельские муравьи не ходят войной на других животных, как это делает большинство их сородичей. И они точно не завоёвывают другие территории, как это делают муравьи-бульдоги. Да и зачем? Им это не нужно. Практически ничто не может угрожать их колонии.

Хмм. Она почувствовала, что начинает понимать:

— Хотите сказать, что хотите сделать людей такими же?

— Мм. Уже теплее.

— Но не горячо?

— Сделать людей физически прочными – лишь первый шаг к гарантии их выживания в экстремальных условиях, — сказал Говис, — но на самом деле интереснее всего мне кажется социальное поведение ангельских муравьёв.

— Социальное поведение? — переспросила Эмили.

— Ангельские муравьи уникальны потому что функционируют как настоящий коллективный разум. Другие муравьи разделяют единые инстинкты и действуют по указам феромонов, поэтому складывается впечатление, будто у них один разум на всех, но не ангельские. Именно это, как мне кажется, настоящая причина их живучести. Как единая колония они умнее любых других муравьёв в мире.

Эми почувствовала, что наконец-то начинает понимать картину, которую пытался показать ей Говис.

Монстр сел на пол, сложив гигантские ноги. Он всё ещё был высотой с неё сидящую на стуле.

— Муравьи-бульдоги агрессивнее и лучше воюют, лучше контролируют территорию и размножаются, но им всё равно не удалось победить ангельских муравьёв. Даже лишив их еды они не смогли победить вид, способный целый месяц жить на капле воды. Это представляет две совершенно разные эволюционные стратегии. Лично я считаю, что в долгосрочной перспективе метод ангельских муравьёв лучше. Люди могли бы чему-нибудь научиться на их примере.

Эми ждала продолжения, но когда ничего не последовало, она решила озвучить свой вывод:

— Вы хотите создать коллективный разум человечества…

— Мм.

— Но это… эм… — Как именно объяснить, насколько безумно это звучит? Как вообще отвечать на такое?

— Тебя беспокоит свобода воли, — сказал он.

Беспокоит ли? Ну да. Есть такое, наверное. Ей потребовалась секунда, чтобы определиться, но он прав. Это точно корень её тревоги.

— Коллективный разум устранит алчность, потому как исчезнет свобода, — сказал Говис. — Всё будет делаться ради общего блага. И каждый мозг будет использоваться вместе со всеми остальными, чтобы достичь потенциала, который был немыслимым в прошлом. Но да. Индивидуальность будет потеряна в процессе. Гипотетически.

— ... Только гипотетически? По-моему звучит совершенно точно.

— Нет. Истинный коллективный разум с мозгами человеческого уровня никогда не существовал. Последствия такой сети мыслей непостижимы. — Его светящиеся красным глаза взглянули на Эми.

Она почувствовала, что он хочет сказать больше, но ничего не последовало.

— ... Почему Вы рассказали мне всё это?

— Потому что ты хотела знать, разве нет?

Хмм. Всё правда так просто? Может быть. Не всё должно быть сложным. А может это ложь. Говис может и вёл себя так, будто был выше этого, но она помнила как он появился в Зале Дюн и попытался солгать Продавцу Смерти.

Эми хотела продолжить, чтобы узнать, есть ли ошибки в его объяснениях:

— ... Мне кажется, это довольно много работы просто из-за того, что Вам по какой-то причине не нравится концепт роста.

— По какой-то причине, говоришь?

— Да. Деревья растут. Животные растут. Но я не вижу, чтобы Вы пытались истребить их.

Говис прищурился:

— Я не пытаюсь истребить человечество.

— Но Избавление пытается.

— Некоторые из них, да.

— И Вас это не волнует.

— Волнует. Но не так сильно, как тебя, полагаю.

— Тогда моё мнение неизменно.

— Сравнивать человеческий рост с чем угодно другим на планете абсурдно. Деревья и животные не развились настолько, чтобы стать причиной собственного уничтожения.

— Но какая разница? Особенно если Вас устраивают планы Избавления истребить всех.

— Разница громадна. Рост человечества несравним ни с чем в известной вселенной. По нашим знаниям человеческая цивилизация существует всего несколько тысяч лет, но ты посмотри, на что мы уже способны. Наших сил хватит, чтобы уничтожить всё человечество и планету вместе с нами.

Серые глаза Эми опустились к столу, пока она слушала.

— И эта тенденция не собирается меняться, — продолжил Говис. — Напротив, скорее она лишь ускорится. Насколько могущественнее, по-твоему, человечество станет ещё через тысячу лет? Настолько, что в наших силах будет уничтожить Солнце? Солнечную Систему? Или целую галактику? А через десять тысяч лет? Или через миллион?

— … Вы беспокоитесь о событиях, которые случатся только миллион лет?

— Фундамент, который мы строим сейчас, определит всё будущее человечества, — сказал Говис. — Ответственность за будущее лежит на нас, бессмертных существах. Не знаю насчёт тебя, но мне хочется узнать, как всё сложится. Мы ведь уже так близко к космосу.

Господи. Она даже не знала, как на это отвечать.

Но всё равно сжала губы и попыталась найти достойный ответ:

— … Этот аргумент сильно отличается от прошлого. Вы говорили, что рост проблема из-за ограниченности ресурсов, а не поэтому.

— Я сказал, что проблема ограниченности ресурсов очевидна, да. И это правда. Рост требует инноваций, а инновации обнаруживают новые способы использования ресурсов, что может отдалить их конец, но ограниченная природа мира продолжит оставаться проблемой требующей прямого решения. Именно это и волнует меня больше всего: долгосрочный период.

Эми застонала от раздражения и почесала бровь:

— Если Вас так волнует будущее людей, как Вы можете стоять на стороне Избавления? Они ведь активно работают против краткосрочного выживания человечества!

— Мм. Ответ на это труднее.

— О, правда?! Что ж, я буду рада его услышать!

— Часть ответа я уже упоминал. Я понимаю, что моё решение может оказаться неверным и достичь изменения природы человечества просто невозможно. В таком случае, если я ошибаюсь, то решение Избавления может быть единственным вариантом спасения Вселенной от человечества.

Эми опустила лицо в руки и вздохнула. Она и не знала, чего ещё ожидала. Ей хотелось продолжить спор, но она просто не видела смысла.

— А вторая часть ответа в том, — продолжил Говис, — что мой план не требует выживания человечества, каким мы его знаем. Спорно, можно ли вообще считать мутантов людьми.

Она моргнула и вновь посмотрела на него с изумлением:

— Вы считаете, что Избавление пощадит таких как мы?

— О, ну конечно нет. Если дойдёт до того, и останутся только мутанты, я уверен, что истинные фанатики Избавления посчитают нас последним препятствием на пути к своей мечте.

— Тогда я не понимаю. Что Вы будете делать в таком случае?

Мгновение Говис просто смотрел на неё.

— Убью их, — ответил он голосом настолько спокойным, что Эми невольно оцепенела.

— … Вы уверены, что сможете? — спросила она, прекрасно понимая, что уже перебарщивает.

Говис не ответил.

Что-то в том как он смотрел на неё заставило потерять почти всю уверенность. Она дважды подумала над тем, чтобы продолжить этот разговор.

Сомневаться в его мотивации можно. В рациональности. В логике. Он явно хотел объяснить свою точку зрения непосвящённой.

Но сомневаться в его силе…

Возможно, здесь всё иначе. Мурашки на её спине подсказывали, что она ступила на слишком тонкий лёд.

И всё же.

Глубоко внутри хотелось продолжить настаивать на своём. Говис бы предупредил, если бы она на самом деле переборщила, да? Может ей просто показалось…

— Я просто хочу сказать, — попыталась она, — гипотетически… в сценарии, о котором Вы говорите, если Избавление полностью уничтожит Авангард… и всех остальных могущественных слуг в мире… в общем… как Вы можете так спокойно утверждать, что сможете победить их всех?

Говис поднялся и начал убирать свою гигантскую муравьиную ферму на её место в углу комнаты.

— Потому что мир на моей стороне, — сказал он.

— … В каком смысле? — спросила она.

Но в этот раз Монстр Востока не ответил ей.

http://tl.rulate.ru/book/1701/993593